

Г. М. Резник⁶

ПРАВО И РЕЛИГИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Осуждение певуний-феминисток за перформанс, устроенный в Храме Христа Спасителя, к двум годам реального лишения свободы, вызвал в обществе оживленную дискуссию о соотношении права на свободу слова и защиты религиозных чувств населения. В ходе полемики, естественно, всплыл и трехлетний давности обвинительный приговор организаторам выставки «Осторожно, религия». Не остались в стороне от нее и представители различных конфессий, требовавших, за редким исключением, введения суровой уголовной ответственности за «богохульство» и «кощунство». Итогом публичного спора явилось не только резкое размежевание поборников свободы выражения мнений

и защитников религиозных верований, но и внесение группой депутатов Госдумы законопроекта, предусматривающего уголовное наказание за «публичное оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан» вплоть до лишения свободы на срок до трех лет.

На законопроект дали отрицательное заключение Общественная палата РФ и Совет по правам человека при Президенте РФ. В числе контрдоводов указывалась юридическая неопределенность понятия «оскорбление религиозных чувств», создающая условия для его неоднозначной трактовки и применения. Сторонники законопроекта обращали внимание на то, что оскорбление религиозных чувств граждан уже 10 лет признается административным правонарушением, наказывается штрафом, и в данном случае речь идет лишь о переводе таких поступков в уголовную юрисдикцию и усилении ответственности за их совершение в силу повышенной общественной опасности.

Спор зашел в тупик. Возможны ли сближение двух крайних точек зрения и выработка компромиссного решения? Поиск ответа на этот вопрос, как представляется, невозможен вне социокультурного контекста, в котором обретают смысл юридические конструкции.

Прежде всего обнаруживается, что административная норма, карающая за оскорбление религиозных чувств граждан, за все 10 лет своего существования вообще не применялась. То есть либо она «спящая», либо для применения напрочь непригодная. По причине «отсутствия всякого присутствия» правоприменения резонно обратиться к теоретическим источникам. В наиболее авторитетном Комментарий к Кодексу РФ

⁶ Президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист России. Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ» и др. Член Общественной палаты РФ. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по вопросам совершенствования правосудия при Президенте РФ. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, знаком общественного признания «Символ Свободы» Союза журналистов России. Почетный доктор СПбГУП.

об административных правонарушениях под редакцией заместителя министра юстиции РФ (М., 2002) читаем, что оскорбление религиозных чувств граждан совершается «публичным образом или в частном порядке путем грубого, неуважительного отзыва, высмеивания религиозных догм и канонов, которые исповедует гражданин, или личных качеств гражданина, связанных с его религиозной принадлежностью».

Откуда растут ноги такого толкования — непосредственно из головы теоретиков или имеют под собой историческую почву? Скорее все же второе. В Уголовном уложении царской России содержалась ст. 182 о «кошунстве, то есть язвительных насмешках, доказывающих явное неуважение к правилам и обрядам церкви православной, или вообще христианства». Но Указом царя-батюшки от 14 марта 1906 года она была отменена практически вместе со всем разделом «О преступлениях против веры». Российская империя, между прочим, продолжала оставаться православным государством. Немаловажным доводом в пользу отмены уголовной ответственности за кошунство послужило соображение об исключительной сложности установления в насмешке цели порицания верования, каковая, однако, по разъяснениям Правительствующего сената — высшей судебной инстанции страны, не должна достигать «прямого оскорбления или поругания», квалифицируемых уже как богохуление.

Предлагать определять в каждом конкретном случае характер высказывания о религиозной вере в качестве «грубого, неуважительного отзыва, высмеивания религиозных догм и канонов», отграничивать желчные нападки от беззлобного подшучивания, подтрунивания, — значит ставить перед судом заведомо невыполнимую задачу, вводить в правоприменение безграничный субъективизм, по сути, уничтожать свободу слова, ставя под запрет шутки, остроты, гиперболы, иронию, сарказм.

Проблема, однако, не столь проста. Ее решение осложняется не в случаях отдельных высказываний в быту, политике или даже в прессе, а, как ни парадоксально, тогда, когда религиозная проблематика входит в художественное творчество. Выставка полотен художников, театральное представление, кинопоказ — именно здесь приходится сталкиваться с протестной реакцией массового сознания, оскорбленными чувствами верующих и церковных иерархов.

Невозможность полностью сбрасывать со счетов восприятие произведений искусства обычным, средним гражданином подтверждается практикой Европейского суда по правам человека. Законы об уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств (богохульство) существуют во всех западных странах, за исключением США, где Первая поправка к Конституции полностью исключает такое преступление. Существуют, как и норма нашего административного кодекса, на бумаге. Так, в Австралии никого не привлекали за богохульство в течение 30 лет. В Великобритании за 90 лет было лишь одно дело по обвинению в богохульстве: осуждены издатель и автор поэмы, которая метафорически приписывала гомосексуальные акты Христу. Оскорбление религиозных чувств в Герма-

нии с 1969 года не было объектом судебного разбирательства, зафиксированы два случая, когда журналистские статьи служили поводом для применения Кодекса прессы. В Канаде прессу не обвиняли в богохульственном оскорблении с 1935 года. В Норвегии норма о богохульстве не применялась с 1936 года. Несколько мусульманских лидеров подали иск в суд на норвежского издателя «Сатанинских стихов», но вскоре отозвали, не рассчитывая выиграть.

Вместе с тем Европейский суд (ЕС) рассмотрел два дела: «Институт Отто-Премингер против Австрии» (1994) и «Мюллер и другие против Швейцарии» (1988) и сформулировал в своих постановлениях критерии, которые, на наш взгляд, позволяют разумно и наименее болезненно разрешать конфликты между свободой художественного творчества и защитой религиозных чувств.

Ассоциация-заявитель «Институт аудиовизуальных средств информации имени Отто Премингера», находящаяся в Инсбруке, намеревалась организовать в своем кинотеатре, начиная с 13 мая 1985 года, демонстрацию фильма Вернера Шретера «Любовный собор». После обращения Инсбрукской епархии Римской католической церкви прокурор за три дня до назначенного показа возбудил уголовное дело против управляющего ассоциации по обвинению в покушении на совершение уголовно наказуемого деяния — «оскорбление религиозных верований» (ст. 188 Уголовного кодекса Австрии). Фильм был арестован и не показан публике. Впоследствии уголовное дело было прекращено, а судебное разбирательство направлено не на осуждение физического лица, а на конфискацию фильма (ст. 33 Закона Австрии о средствах информации). В итоге Земельный суд Инсбрука вынес решение о конфискации фильма, посчитав, что существенное вмешательство в сферу религиозных чувств, вызываемое провокационной позицией фильма, перевешивало в данном случае свободу художественного творчества, гарантированную Конституцией Австрии.

Рассмотрев жалобу ассоциации-заявителя, ЕС ее отклонил, посчитав, что право на свободу выражения своего мнения, гарантированное ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, было обоснованно ограничено австрийским судом в пользу предусмотренных ч. 2 данной статьи Конвенции «защиты прав других лиц», в частности права на уважение религиозных чувств и в целях «предотвращения беспорядков». ЕС обратил внимание на необходимость «учитывать большую роль религии в жизни жителей Тироля. Удельный вес католиков в населении Австрии значителен — 78 %, но среди тирольцев он еще выше и составляет 87 %... Суд не может игнорировать тот факт, что римско-католическая вера является религией подавляющего большинства тирольцев. Наложив арест на фильм, австрийские власти действовали в интересах обеспечения религиозного мира в этом регионе и для того, чтобы у отдельных людей не сложилось ощущение, что их религиозные представления стали объектом необоснованных и оскорбительных нападок».

Особый интерес в данном деле представляют доводы, окончательно склонившие ЕС в сторону настоятельной потребности в демократическом обществе ограничить право ассоциации-заявителя сообщать общественности спорные взгляды и творческие идеи. Ассоциация утверждала, что действовала ответственно, стремясь избежать возможности оскорбить чьи-либо чувства. Она подчеркнула, что планировала показать фильм в своем кинотеатре, который был доступен только за входную плату; кроме того, ее публика в целом состояла из лиц, интересующихся прогрессивной культурой.

Но ЕС посчитал, что большее значение, чем доступ в кинотеатр за плату, имеет широкая реклама фильма: «Общественности было достаточно хорошо известно, о чем фильм и его основное содержание, чтобы получить ясное представление о его характере; по этой причине даже предполагаемый показ фильма был достаточно “публичным” и мог быть воспринят как оскорбление чувств верующих».

Сходная аргументация была применена ЕС в деле «Мюллер и другие против Швейцарии». В 1981 году несколько человек — граждан Швейцарии организовали в г. Фрибуре выставку современного искусства. На этой выставке были представлены три картины художника Ж. Мюллера, на которых изображалось гомосексуальное совокупление, скотоложество, эрегированные пенисы. По представлению прокурора кантона Фрибур картины были изъяты как подпадающие под действие уголовного закона, запрещающего непристойные публикации и оскорбление религиозных чувств. Окружной суд приговорил организаторов выставки к штрафу и постановил «поместить картины в музей, от куратора которых потребуются открыть к ним доступ лишь нескольким серьезным специалистам, проявляющим к ним исключительно художественный или культурный интерес в противоположность интересу похоти».

ЕС, признав, что последние годы подходы к пониманию сексуальной морали модифицировались и общественные идеи о понятиях непристойности, аморальности, неприличия, богохульства значительно изменились и стали заметно более свободными, поддержал позицию швейцарских властей. Решающим аргументом, как и в деле Института им. Отто Премингера, явилось то, что картины Мюллера были доступны для обозрения широкой публике без каких-либо ограничений, так что могли попасть и действительно попали на глаза людям, которые сочли их неприличными.

Представляется, что ЕС сформулировал важный критерий, учет которого позволяет установить баланс между свободой выражения творческих идей и защитой иных общественных ценностей, в том числе религиозных чувств. Это пространство, в котором реализуются продукты экспериментального искусства, эпатазирующего господствующие нравы. Для одних ситуаций уместно не выносить произведения контркультуры

в публичное пространство со свободным доступом туда широкой публики. Для других — требуется разъяснение, что выставка предназначена для ценителей современного искусства. ЕС обратил внимание в упомянутом постановлении по делу Института им. Отто Премингера на то, что «невозможно прийти к всеохватывающему определению того, что представляет собой допустимое вмешательство в осуществление права на свободу слова там, где такое слово направлено против религиозных чувств других лиц. Поэтому национальные власти обладают широким полем усмотрения при оценке потребности и степени вмешательства».

Такое положение накладывает особую ответственность на национальные суды при разрешении споров, затрагивающих религиозные чувства. Примером в данном отношении может послужить разрешение такого рода конфликта во Франции. В 1988 году несколько католических ассоциаций обратились в Парижский гражданский суд с требованием запретить показ фильма Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа». Суд отказался выдать запрет, но, проявив должное почтение к религиозным чувствам католиков, распорядился включить в рекламу фильма предупреждение о вымышленности его содержания. Автору данного доклада в 1998 году пришлось представлять канал НТВ в одном из районных судов Москвы в деле по иску ряда православных активистов с аналогичным требованием. Суд иск отклонил, но не обязал канал подкорректировать рекламу. А жаль, что никому из истцов такая мысль в голову не пришла. Я бы, представляя ответчика, против такого требования не возражал.

Во всяком случае, защита религиозных чувств граждан от оскорбительных действий лежит не в русле взвинчивания уголовной репрессии.

Данное понятие с учетом его широкой оценочности должно остаться в Кодексе об административных правонарушениях и не переноситься в Уголовный кодекс, где уже есть статья, карающая за разжигание религиозной ненависти, а также унижение человека, в том числе по признаку его отношения к религии.

Необходимо помнить, что свобода выражения мнения представляет собой одну из несущих опор демократического общества и, как сказано ЕС в деле Хендисайда, «охватывает не только “информацию” или “идеи”, которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет “демократического общества”».

С другой стороны, как мудро заметил Адам Михник, «дилемма выбора между искушением авторитарных решений и логикой безграничной свободы, по-видимому, всегда будет преследовать демократическую цивилизацию».